

Предварительные переговоры с Фасольтом начались с проверки первоначальных предположений.

— В данный момент нет никаких предпосылок на то, что Городская фракция собирается к нам присоединиться. Переговоры по большей части сосредоточатся на присоединении фракции Королевского Дворца. Эти переговоры — предварительная подготовка к Пути Левиафана.

Начав с этого, Фасольт сообщил Саяме о некоторых деталях.

УСАТ попросила, чтобы Фасольт оставался представителем 1-го Ги́ра; после того как прибудет фракция Королевского Дворца, некоторое время в резервации будет сохраняться присутствие караул спецподразделения УСАТ, и ввиду культурных сходств резервация предпочла бы, чтобы этот караул был направлен из немецкого УСАТ.

Саяма ответил, что он понимает, Синдзё кивнула, и Ооширо напечатал это на компьютере, ведя отчет.

Когда главные вопросы были выяснены, Фасольт произнес:

— Послезавтра сюда прибудут сто шестьдесят семь членов фракции Королевского Дворца. У нас нет никакой возможности обеспечить для всех них необходимое количество пахотных земель.

— Вы просите расширения Концептуального Пространства, создавшего резервацию?

Фасольт не стал кивать. Саяма повернулся к Ооширо.

— Что произойдет, если его расширить?

— Оно уже занимает радиус в один километр. Если радиус увеличить на сто метров, площадь вокруг увеличится на 21%. ...Это простые расчеты, но ты понимаешь, что значит увеличить их годовой бюджет на 20%, правда? Чтобы поддерживать это место мы и так выделяем десятизначную сумму из бюджета в год.

— Понимаю, — Саяма повернулся к Фасольту и произнес. — Просто потому, что фракция Королевского Дворца к вам присоединяется, я не могу одобрить расширение резервации.

— Почему нет?

— Вы ранее упомянули, что существует процесс акклиматизации. Это означает, вы не пытаетесь брать сюда всех, кто может выжить за пределами концептов 1-го Ги́ра, верно?

— Да.

— В таком случае, мы должны пройтись по списку прибывших и выяснить, как много из них принадлежат к расам, которых можно акклиматизировать. Мы можем построить для них временное жильё, временно акцентировать внимание на распределении продовольствия, и построить дома и расширить поля для тех, кто определенно останется. Я думаю, мы можем провести новые переговоры по поводу земельного вопроса, когда вы выясните, многие ли останутся, — Саяма горько улыбнулся. — Но думаю, Вы обо всем этом знали. Вот почему Вы сказали то, что сказали: «У нас нет никакой возможности обеспечить для всех них необходимое количество пахотных земель». И поэтому Вы не ответили на мой вопрос, не так ли?

После небольшой паузы Фасольт загоготал во всю глотку.

— Да. Я всего лишь сообщил правду, Саяма Микото. А неверно истолковал её уже ты, мальчик.

Саяма улыбнулся, и Синдзё рядом с ним вздохнула.

Что-то начинается, — подумал Саяма.

Парень быстро начал просчитывать, что он и его оппонент имели в своем распоряжении.

Благодаря USAT Саяма обладал полномочиями делать с Концептуальным Пространством все что угодно. Но в то же время, если он воспользуется этими полномочиями, то отдалит сотрудничество 1-го Гира с Путем Левиафана.

С другой стороны, его оппонент располагал прошлым, о котором Саяма не знал, и мог выдвигать требования с позиции жертвы. Когда полудракон воспользовался неожиданным прибытием фракции Королевского Дворца как щитом, Саяме стало сложно определить истинность его требований из-за недостатка информации.

...Так или иначе, он будет выдвигать требования.

Фасольт предоставит причины для своих требований, какими бы нелепыми они ни были. Если Саяма недооценит и примет ситуацию, его оппонент этим воспользуется.

Мягкосердечие здесь станет только помехой.

Саяма доверился своему предположению, что переговоры уже начались.

Он вздохнул, достал платок из нагрудного кармана, и вытер лоб.

●

Фасольт наблюдал за Саямой.

Одной рукой парень сложил платок, который вытащил из грудного кармана.

Поудракон поднял взгляд и обнаружил солнце в зените.

— Сегодня жарковато, — произнес Саяма, словно информируя взиравшего в небо Фасольта.

— Да, жарко, — согласился Фасольт, опуская взгляд.

Он очень молод, — подумал Фасольт о Саяме, который смотрел прямо на него.

Фасольт задумался о прошлом разговоре. На его небольшое испытание парень ответил должным образом, и разгадал его намерения. На такое способны даже обычные посредники УСАТ. Достаточно было простой внимательности.

Но этот парень нарочито сделал вид, что ошибся, и обдумал пускай и поверхностные, но конкретные способы решения проблемы.

Его решение было незавершенным, но последующее лежало на плечах специалистов.

Для лидера главное вести переговоры без каких-либо ошибок и определять общий курс действий.

Фасольт еще не сложил о Саяме окончательное впечатление.

Саяма поднял взгляд на солнце в небе и начал снимать пиджак.

Он грубо подхватил рукава, сложил их так, чтобы передняя часть оставалась на виду, и передал его Синдзё рядом с собой.

Едва он это сделал, глаза Синдзё расширились, и она прошептала Саяме:

— Ч-что ты такое говоришь? Я н-не могу этого сделать...

Синдзё глянула на Фасольта. Затем лихорадочно выпрямилась, взяв у Саямы пиджак.

Со слегка разочарованным лицом Саяма вернулся на свое место. Он вытер лоб платком и поместил его в карман рубашки. Уголок слегка оставался торчать.

Как бы то ни было, Саяма повернулся к Фасольту.

Рядом с ним Синдзё продолжала на него поглядывать, но парень, похоже, этого не замечал.

Затем Фасольт взглянул на пиджак, который Синдзё держала в руках. Грудной карман был повернут в его сторону.

Фасольт задумался о парне у него перед глазами. Он действительно молод, — решил он перед тем, как сделать следующий шаг.

Саяма услышал, как Фасольт заговорил.

— Наши требования очень просты, Саяма Микото. Мы хотим, чтобы вы передали нам Зигфрида, священный меч Грам и Концептуальное Ядро, содержащиеся в мече. До тех пор мы не позволим использовать Концептуальное Ядро 1-го Гира и не станем помогать в убеждении Городской фракции.

— Что?

Фасольт даже не обратил внимания на его вопрос.

— После Концептуальной Войны резервация согласилась сотрудничать с УСАТ, но мы не принимали никаких соглашений касаяемо Пути Левиафана. Вот почему мы требуем начать всё заново. Передай нам военного преступника. Если ты это пообещаешь, фракция Королевского Дворца и Городская фракция обе подчинятся решениям мирной фракции. Мы обеспечим их повиновение.

— Ты хочешь, чтобы мы вернули Грам и находящееся внутри него Концептуальное Ядро?

— Не думаешь ли ты, что это необходимо, дабы убедить Городскую Фракцию? Даже если мы убедим их к нам присоединиться, я сомневаюсь, что они станут делать то, что мы им скажем, если не получить определенную силу.

Саяма хранил молчание. Пока он тихо сидел, Фасольт за ним наблюдал.

— Просто на всякий случай, угрозы удалить Концептуальное Пространство, дабы получить

преимущество в переговорах, ничего тебе не дадут.

Саяма не говорил, что это сделает. Если придется, он бы мог. Фасольт его предупредил, что это бесполезно, но это всего лишь слова. Невозможно предугадать, что будет, если он всё же это сделает.

Однако то было крайнее средство. Воспользоваться им означало разорвать с ними последующие отношения.

Саяма перевел дух.

— Может, Вы перестанете меня испытывать? Ненужные заявления лишь замедлят наши переговоры, — произнес он.

— Сообщать множество вещей в быстрой последовательности — особая характеристика сказителя.

Дракон не стал извиняться. Это дало Саяме странное чувство спокойствия.

Его оппонент — гордое существо. Это общая характеристика 1-го Ги́ра. Не важно, как низко они падут, не важно, какие средства они станут использовать, они всегда будут ставить самоуважение превыше всего.

...Они упрямы и прямолинейны.

С ними легко иметь дело в качестве союзников, но невозможно избежать как врагов.

С этой мыслью Саяма еще раз вытащил из грудного кармана платок.

Он вытер лоб, и плечи Синдзё, сидящей рядом с ним, слегка дернулись.

В это же время Фасольт глянул на девушку.

— Здесь нечего бояться. Как и сказал Ооширо, просто расслабьтесь.

— Да, конечно, — промолвила Синдзё, слегка расслабив ноги, которые строго держала в положении сэйдза.

Едва она это сделала, рука Фасольта двинулась.

— А, — вскрикнула Синдзё, но Фасольт уже схватил пиджак с ее колен.

— Какой хороший пиджак. Не против, если я на него взгляну?

Когда Фасольт закончил вопрос, из кармана пиджака в его руках выпал предмет.

Саяма четко увидел, как падает мобильный телефон. Он мог записывать звук.

— О-ой, — сказал Фасольт, подхватив его в воздухе.

И с резким треском он раздавил телефон рукой.

— Ой, какая досада. Я глубоко извиняюсь. Однако, — Фасольт вернул пиджак Синдзё, сжимая остатки телефона в другой руке. — Он не случайно был включен, не так ли? Ты не особо обращал внимания на меня, потому ты решил дать знак, чтобы снимать меня сбоку, не так ли?

Фасольт увидел, как выражение лица Саямы изменилось дважды в ответ на его слова. Оно сменилось от напряжения до суровости, и затем от суровости до радости. Мысли Фасольта пронеслись, когда он увидел эти изменения.

...Он заметил мой трюк?

Когда Фасольт присутствовал на вскрытии оборотня, совершившим позавчера самоубийство, он осмотрел имущество Саямы. И зная, что парень будет его оппонентом на переговорах, полудракон придумал определенный трюк.

Чтобы разрядить батарею, он включил цифровой диктофон, но оставил телефон нетронутым. Если Саяма возьмет на переговоры оба предмета, ему придется использовать телефон для записи любого доказательства того, что говорилось.

Но в то же время, микрофон мобильного был слаб, поэтому встроенная камера должна оставаться на виду.

Определить тайник Саямы для него оставалось несложно. Камера торчала из кармана его пиджака.

Фасольт не сомневался, что парень его записывает. Он увидел небольшой обмен между Саямой и Синдзё, и отметил движения девушки.

Какое неуклюжее взаимодействие, — подумал Фасольт.

Вот почему он подхватил пиджак и раздавил телефон.

Использование телефона Саямой подтверждало, что парень считал переговоры опасными и хотел тайно оставить после них некоторые доказательства. Забрать это у него и уничтожить, одновременно предупредив, должно было оказать на парня неизбежное давление.

Саяма взирал на раздавленный телефон.

— Я сомневаюсь, что он работал, — произнес он, опустив голову, словно припоминая.

Лжец, — подумал Фасольт, горько улыбнувшись в своем сердце.

Пока Фасольт наблюдал, Саяма повернулся к Ооширо слева от него.

— Это не играет роли. Старик занимается записью всего, что говорят.

Фасольт проследил за взглядом Саямы, и увидел, как Ооширо набирает.

Он кивнул и сказал:

— К сожалению, как доказательство записи Ооширо не сгодятся.

— П-почему нет? — спросила Синдзё, держа пиджак.

Фасольт кивнул и ответил:

— Его данные легко изменить. Вот почему я бы хотел разрешить эти переговоры таким образом.

Фасольт вытащил из внутреннего кармана жилета лист пергамента.

Его покрывали письма 1-го Гири. Саяма мог их прочесть, потому что смысловое изображение было здесь главным.

Это контракт, сообщающий, что UCAT принимает требования резервации. Под соглашением оставалось место для подписи.

Когда взгляд Саямы остановился на пустом месте, Фасольт заговорил тоном, содержащим в себе легкую улыбку.

— Ты поставишь здесь свою печать. ...Твоя печать с тобой, не так ли? Она вместе с цифровым диктофоном с разряженной батареейкой.

Синдзё обняла пиджак Саямы. Она сжала его между руками.

И девушка бросила взгляд на Саяму рядом с собой.

Что он теперь будет делать? — Задумалась она.— Сможет ли он выкрутиться?

Пока она на него взирала, Саяма невозмутимо уставился на контракт.

Затем, он неожиданно двинулся. Парень вытянул платок из грудного кармана правой рукой и слегка покачал запястьем.

Он глянул на Фасольта и сказал:

— Выходит, Вы заметили. Да, батарейка действительно села. В таком случае, мне это больше ни к чему.

Саяма вытащил цифровой диктофон из-под платка. Индикатор питания был выключен, указывая на то, что он не работал. Однако парень смотрел не на диктофон. Он смотрел на сломанный телефон, валявшийся на земле.

— Я планировал записать любые твои обещания, чтобы потом, возможно, изменить наши требования.

Саяма вздохнул и свободной левой рукой достал из кармана чехол для печати.

Парень поместил цифровой диктофон и платок рядом с ним, и положил печать перед ним.

— Но я еще не готов поставить мою печать, — произнес он.

— Ты хочешь сказать, что в итоге это сделаешь?

Саяма никак не ответил.

Он хранил молчание, и его лицо ничего не выражало.

Столкнувшись с этим, Фасольт замер.

Синдзё слегка сглотнула, впервые увидев у Саямы это безмолвие и безразличие. Однако...

— ...

Его пульс спокоен.

Почему это? — Любопытствовала она.

Она ощущала, что раньше уже видела его таким.

Когда это было?

Она покопалась в глубинах памяти и прибыла к определенной сцене в прошлом.

Позапрошлой ночью, когда он заслонял ее собой, стоя перед оборотнем.

Что случилось в тот момент? — Задумалась она.

Девушка вспомнила. В ту минуту Саяма вышел вперед и заговорил с их врагом. Он его спровоцировал. И сейчас...

— Вам стоит запомнить, что те, кто доверяют письму, могут быть преданы письмом, — Саяма небрежно поднял правую руку, — Позволь мне ответить предельно ясно — я не соглашаюсь ни с какими требованиями, что Вы выдвигаете.

— В таком случае, что ты скажешь на это?

Фасольт вытащил из-под жилета толстую книгу, и взял ее так, чтобы Синдзё и остальные могли увидеть.

То была книга в толстом переплете, сшитая из листов пергамента и ткани. Девушка видела ее ранее.

— Эта книга была у вчерашнего рыцаря.

— Именно. Это доклад о результатах расследования разрушения нашего Королевства Вотана. Для сбора записей и создания книги, мирную и Городскую фракцию посетили добровольцы из фракции Королевского Дворца. Эти записи могли быть созданы только фракцией Королевского Дворца, что выступала посредником. Ни мы, ни Городская фракция не могли бы их сделать.

Саяма взял и открыл доклад.

Синдзё заглянула в его содержимое со стороны. Там перечислялись расчеты общего количества уничтожения, используя написание, избегавшее любой опасной терминологии. Каждый раз, когда Саяма переворачивал страницу, Синдзё могла осмыслить образ разрушения, описанного внутри.

Центральная улица Артона была разбита, вместе с украшениями для фестиваля в небольшом парке: 38 погибших.

В 3-м Районе Этоса находилась деревянная школа, но она была раздавлена вместе с людьми, что нашли убежище внутри: 91 погибший.

Предупреждение об эвакуации так и не достигло 3-го сектора перепланировки, и деревня родоначальников была ликвидирована, ведь они не знали, что произошло: 46 погибших.

К тому же, перечислялись повреждения домов в нескольких секторах или на природе, потеря активов и скота, и выводилась стоимость потерянной земли. Это все было подсчитано, чтобы вычислить окончательную сумму за ущерб.

— После преобразования в валюту философских камней, UCAT должно содержать эту резервацию 7022 года. Мы прожили тут 60 лет, таким образом, остается еще 6962 года. Обменять этот долг на одного человека и меч звучит для меня как хорошая сделка.

Это абсурд, — подумала Синдзё, сглотнув.

Чтобы Фасольт не заметил ее внутреннюю панику, она медленно повернула взгляд на Саяму. Она обнаружила, что Саяма, как и раньше, молчалив и невозмутим.

Что он теперь будет делать? — Подумала она.

И ее посетила еще одна мысль.

Она припомнила, что Фасольт сказал, когда он сломал мобильный телефон:

«Ты решил дать знак, чтобы снимать меня сбоку».

Она не понимала, что он под этим подразумевал. Такую роль ей вовсе не поручали.

Но пускай она и не понимала, Синдзё знала, что всё развивается. И еще она знала, что у Саямы наверняка есть какой-то план.

Саяма глядел на Фасольта.

Фасольт взирал на него уже некоторое время. С этой мыслью парень заговорил:

— Устанавливать конкретную цену человеческим жизням — еще одна вещь, которую я не желаю делать.

— Если подобное необходимо для переговоров, мы воспользуемся этим в качестве оружия.

— И таким образом, Вы требуете жизнь человека вместо денег?

— Требуем? Нет. Моя роль тут заключается лишь в том, чтобы предоставить тебе возможности. Это твоя роль — выбирать, Саяма Микото. Я предоставил тебе способ выплаты репараций за ущерб. Теперь тебе решать, заплатишь ли ты за ошибки своих предков семью тысячами лет расходов, или передашь нам этого человека и Грам.

— И если я его передам, я бы определял цену человеческой жизни?

— Да, так и есть. Мы бы заготовили иной путь, но ты бы выбрал этот, потому что не можешь заплатить. Нам бы это в любом случае не повредило.

Саяма задумался. Согласно Ооширо, не было возможности увеличить ежегодное обслуживание резервации даже на 20%. Это означало, что сверх каких-либо возможностей выплатить долг стоимостью в семь тысяч лет прямо сейчас. И вот почему он задал следующий вопрос.

— Жизни Зигфрида и Грама в самом деле такие ценные?

— В самом деле.

— Вот как, — Саяма подхватил контракт и лежащий перед ним чехол с печатью. — Синдзё-кун, передай мне ручку из грудного кармана пиджака.

— О, сейчас.

Синдзё вытащила серебряную шариковую ручку, и протянула ее парню.

Саяма перевернул договор и, используя обложку доклада о расследованиях как стол, что-то написал. Он поставил штамп под написанным, воспользовавшись печатью, вытасченной из чехла, и поместил контракт перед Фасольтом.

— Если Вы запрашиваете чего-то такой немислимой стоимости, как насчет того, что разрешить это вот так?

Все глянули на заднюю часть контракта.

Синдзё сглотнула, Фасольт сжал кулаки, а Ооширо горько улыбнулся.

Саяма прочел то, что он только что написал на задней части контракта.

— Семь тысяч лет следует добавить к нынешнему долгу в семь тысяч лет. Взамен, мы покупаем полудракона Фасольта и все его права... Это не должно вызвать проблем у всех, кто дает денежную цену человеческим жизням.

— Ты покупаешь своего оппонента в переговорах?! — взревел Фасольт.

Повеял ветер и всколыхнул волосы Саямы, но он проигнорировал его и произнес.

— Если подобное необходимо для переговоров, мы воспользуемся этим в качестве оружия. Это Ваши слова. И я верю, что мы согласились с такой точкой зрения. ...Вы попросили меня продать чью-то жизнь, если я не смогу заплатить, — он горько улыбнулся. — Но это так же означает, что я могу купить чью-то жизнь, если могу заплатить.

— ...

— Мы заплатим то, что необходимо. Не важно, сколько лет на это уйдет, кто может пострадать, и даже если вы откажетесь. Так позвольте же мне сказать это: вы можете думать, что у вас всех есть гордость, но на деле ваш дух как у бедных рабов.

— Рабов? Ты зашел слишком далеко, абориген.

— Абориген? Вы определенно эволюционировали. Я скучаю по денькам, когда вы звали нас желтыми обезьянами, — горькая улыбка Саямы расширилась. — Фасольт, позволь мне тебе объяснить, что мы на самом деле за раса. Мы — японцы, «экономические животные». Когда

дело доходит до денег, нам нечего бояться. Долг? Нам просто нужно поднакопить. Правительство? Оно работает на деньги. Обиды? Не более чем предрассудки бедняков. Теперь, Фасольт, за четырнадцать тысяч лет мира своих товарищей, ты будешь принадлежать нам. И позволь мне добавить: физически ты останешься с 1-м Гиrom, но как наше владение, — он кивнул, — ты отзовешь все свои требования. Не нужно опускать голову. Раз мы тебя купили, теперь ты наш товарищ. Мы имеем на это право. Именно ты завел разговор о покупке человеческих жизней, чего мы раньше не делали никогда.

В этот момент Саяма швырнул доклад на землю.

— Это же абсурдно, Фасольт, — он перевел дух, — Какой еще за «доклад о результатах расследования»? В нем может и есть какая-то правда, но как много ее там на самом деле? Если вы собирались провести расследование, следовало привести третью сторону, или хотя бы сделать это в нашем присутствии. Иначе это не более чем справочный материал... Выкладывание неточных материалов на стол переговоров — вот как 1-й Гир решает свои дела?!

Фасольт ответил на последнюю часть резче, чем на все предыдущее.

Из его сжатого рта можно было услышать скрежет клыков.

Но на большее Фасольта не хватило.

Полудракон медленно потянулся рукой и подобрал с земли книгу. Он выдал длинный вздох.

— Это правда, что как для расследования тут содержится некоторое количество личного мнения. Но ты действительно будешь использовать отсутствие записи этого разговора, чтобы произносить такие оскорбительные вещи?

Саяма повернул улыбку в направлении Фасольта.

— Оскорбительные? Это был упрек тому, насколько бесполезен ваш доклад о расследовании... Я пытаюсь сказать, что ваши действия продемонстрировали неуважение к ценностям 1-го Гира. Если ты неправильно меня понял, то прошу прощения.

— Нет нужды, — Фасольт отступил и прижал книгу к груди. Он снова заговорил, сдерживая ярость в голосе. — Так или иначе, мы не дадим вам право использовать Концептуальное Ядро, если вы не примете наших требований. ...Как ты собираешься получить у меня это право?

Саяма осмотрелся. У домов поблизости были открыты окна из-за солнечного дня, поэтому он мог заглянуть внутрь. Там, в тених парень мог разглядеть немного непривычные для себя предметы. В каждом доме стояли голые стены, и повсюду выращивали цветы.

Саяма искал внутри этих домов определенный объект.

Но судя по тому, что можно было разглядеть издали, его там не было. Это совершенно естественный объект для его мира, но там он отсутствовал.

...Это вполне могли принести снаружи, но этого нигде нет.

Возможные причины для этого просты. Он мог никогда не существовать в 1-ом Гире, и в нем не было необходимости, или УСАТ боялась, чтобы 1-й Гир им обладал, и поэтому отказывалась это передавать.

Одна из этих, или обе возможности имели место быть.

Едва он это осознал, до Саямы дошло еще кое-что. Он понял истинную причину, стоящую за этими переговорами.

— ...

Саяма незаметно расслабился. Он взял себя в руки.

Если я прав в понимании истинной сути этих переговоров, — подумал Саяма, — пытаться сокрушить Фасольга будет не лучшей стратегией.

Вот почему Саяма решил сказать следующее. Он выдохнул, вдохнул, и затем произнес спокойным голосом:

— Вместо Зигфрида и священного меча Грама мы предоставим вам технологию, эквивалентную сумме бюджета семи тысяч лет, или позволим вам использовать названную технологию.

— Технологию стоимостью в семь тысяч лет бюджета? — переспросил Фасольт перед тем, как рассмеяться во весь голос, — Что ты под этим подразумеваешь? Мы вполне поддерживаем сами себя. Разве есть технология, которую бы мы захотели, разве существует технология, которую Лоу-Гир способен нам предоставить?

— Есть.

— И что же это?

Саяма задумался и сказал:

— Ее можно использовать в качестве оружия. Ее можно использовать в культуре и в цивилизации. Она может быть силой, и стать всем, что существует.

— Ха! Как забавно! Мы в 1-ом Гире живем за счёт силы письма, так какая еще нам потребуется культура и цивилизация?! И с нашими механическими драконами, зачем нам оружие? — Фасольт крепко прижал к груди книгу в твердом переплете. — Скажи мне, Саяма Микото. Что это за технология, на которую, ты думаешь, мы обменяем Концептуальное Ядро? Что это за технология, которую UCAT от нас скрывает?

Саяма кивнул и произнес одно слово.

— Бумага.

Фасольт едва не выпустил книгу, которую сжимал у груди.

— С чего ты взял, что нам нуж...

— Всё ваше письмо либо на пергаменте, либо на полотне. И в этих домах 1-го Гира я не вижу ни одной книжной полки. Бумага — необходимый предмет для того, чтобы общество преодолело определенную черту, но на нее по какой-то причине наложено тут ограничение. Вот почему я подумал, что могу использовать снятие этого ограничения как преимущество в переговорах.

Фасольт понимал, что подразумевает Саяма.

В 1-м Гире письмо обладало силой, поэтому запись чего-либо влекла за собой определенную опасность. Не говоря уже о том, что наделять это письмо подходящей формой для создания силы было тяжело, и оно было не более чем каракулями, если сделать неверно.

Но нет ничего страшнее, чем неожиданный инцидент.

Вот почему сказители вроде Фасольта передавали письмо в виде звука, и большинство записей хранили, используя символы, которые сложно было назвать письменами. Письмо в докладе о расследовании тщательно подобрали так, чтобы оно обеспечивало надлежащие образы, но не имело фактической силы.

Согласно условиям их мира, технология письма не развивалась. Большинство инструментов, служивших для письма, находились под контролем королевской семьи, и было изготовлено всего несколько.

Как сказитель, Фасольт имел хорошее представление о том, как на этом строилась культура 1-го Гира.

Но он задавался вопросом, что бы произошло, если бы это предположение сняли.

Парень перед ним заговорил.

— Что, если вы используете безопасное письмо, как в этом докладе, в качестве основы для тщательно отобранного набора повседневного письма с минимумом силы? Позволит ли это вам передавать вашу нынешнюю культуру и даст ли возможность любому заниматься исследованиями?

Он говорил, что нынешнее положение культуры 1-го Гира изменится.

Саяма вытянул к нему руку. Он потянулся к книге у его груди.

Фасольт передал парню книгу в толстом переплете, которую парень хотел взять.

Саяма раскрыл ее и пролистал несколько страниц.

— У вас так много домов. И люди, живущие в них, работают в школах, магазинах и государственных учреждениях. Но ввиду страха опасного письма вы не можете ничего записывать. Вы не имели возможности расширить технологию письма, которая поддерживала бы эти записи, и UCAT ныне держит от вас нашу технологию в стороне.

— Это правда...

— В форме репараций, UCAT снимет ограничение на эту технологию, — произнес Саяма.

Фасольт повернулся к Ооширо, который глянул на него в ответ.

— Ну, нам придется провести насчет этого переговоры с UCAT других стран. Вот незадача, — сказал старик.

Фасольт выдал тихий гортанный смешок, и прислушался к дальнейшим словам Саямы.

— Наш мир незрелый, Фасольт. Всего тысячу лет назад мы верили, что наш мир такой же плоский, как и ваш. Но наши люди двигались, оставляли записи, и изменили наши верования, чтобы они соответствовали действительности. И даже сейчас мы накапливаем всё больше и больше записей, дабы отделять правду от вымысла.

— И ты говоришь нам сделать то же самое? Понимаю, — согласился Фасольт.

Это была хорошая идея. Если они получают письменные инструменты массового производства,

им всего лишь понадобятся люди со способностью записывать все должным образом. И вместо ограничения на использование письменных инструментов, как поступала королевская семья, они ограничат слова, наделяющие силой, и распространят безопасные слова.

Знание будет распространяться, и они даже смогут взаимодействовать с другими культурами. Однако...

— Саяма Микото. Это хорошая идея, но проблема остается. Наши переговоры продолжаются.

— Э? — выдала Синдзё, и Фасольт повернулся к Саяме.

Саяма не выказал на его слова удивления или паники.

Он просто сказал:

— Верно, ты же понимаешь? Письмо может предать тех, кто им пользуется. Накапливание и распространение записей может не только создавать, но и разрушать. — Саяма сжимал книгу в толстом переплете, — Если вы получите технологии для печатания книг, вы получите книги вроде этой. И это перенесет вашу злобу будущим поколениям. Сила, которую мы вам дадим, создаст для нас больше врагов.

— И вот почему я должен кое-что спросить, мальчик... нет, ты уже не мальчик. Ты просто Саяма Микото. Можешь ли ты передать нам эту технологию, не опасаясь распространения нашей злобы, защитить Зигфрида и священный меч Грам, а также добыть Концептуальное Ядро?

— Конечно, — ответил Саяма.

Глаза Синдзё расширились, когда она услышала слова Саямы.

— Т-ты не можешь, Саяма-кун! Ты не можешь становиться его врагом!

— Я думаю, все будет нормально. Фасольт понимает, что этот доклад не более чем справочный материал. После того, как я его упрекнул, он признал, что тот содержит субъективное мнение.

— Он признал, но...

Фасольт кивнул:

— Эти комментарии и их записи ничего не стоят. За столом переговоров имеет вес лишь окончательное решение.

Ооширо поднял глаза и произнес:

— Эм, ты же знаешь, что я очень стараюсь набирать всё, что было сказано, правда? Прошу, не говори, что это ничего не стоит.

Фасольт его проигнорировал. Полудракон глянул на остатки телефона, лежащие между ним и Саямой.

— Мое заявление о том, что доклад о расследовании содержит личное мнение, останется вне записей. Это означает, что я могу настаивать на его легитимности. Что бы ты ни сказал, он будет рассматриваться как точный. Даже если ты опротестируешь, его напечатают и распространят среди всех. Множество людей поверят скорее ему, чем тебе!

— Фасольт, я собираюсь проверить, насколько внимательным ты был все это время. Ничего?

Неожиданные слова Саямы заставили Фасольта поднять взгляд.

— Что?

— Я задам некоторые вопросы, а ты на них ответишь. Понял? Когда ты сломал мобильный, остатки которого валяются передо мной, ты проверил, был ли он включен?

Синдзё не понимала смысла вопроса.

И Фасольт, похоже, тоже.

Он слегка опустил плечи и спросил:

— Ты хочешь сказать... он был выключен?

Эти слова, которые звучали невнятно для полудракона, заставили Синдзё удивленно наклонить голову.

— Это Вы о чем? — спросила девушка, и Фасольт быстро повернулся к ней.

— Почему ты спрашиваешь?

— О, эм, это ничего. Совсем ничего. Возможно, тут небольшое недопонимание.

Она лихорадочно замахала руками перед собой, но Фасольт сосредоточил на ней взгляд. Он открыл свой клыкастый рот и произнес:

— Что происходит? Синдзё, мне казалось, что вы с Саямой заодно. Он подаст тебе знак, и ты начнешь запись того, что я...

— С-секундочку!

Синдзё не понимала часть того, что он сказал. И это напомнило ей еще одну загадочную вещь, которую Фасольт сообщил ранее. Синдзё переспросила насчет запутанных кусков.

— Что Вы хотите сказать — мы с Саямой заодно? И какой еще знак?

Фасольт наклонился вперед, но тут же выпрямился опять.

Глядя на Синдзё, он оскалился и задрожал.

— Вместе с этим пиджаком Саяма Микото передал тебе телефон. Когда он поднял платок в качестве знака, ты начала записывать, разве нет? Он хотел, чтобы ты записала оскорбительные замечания.

— Э? Н-нет. Мне этого не поручали.

Он где-то просчитался. По какой-то причине, полудракон сосредоточился на ней, несмотря на то, что она просто сидела и слушала.

Фасольт продолжал предоставлять доказательства.

— Тогда почему ты начинала ерзать каждый раз, когда Саяма Микото вытаскивал свой платок и вытирал лоб? Он предоставил тебе инструкции, когда передавал пиджак, верно? Я слышал, как ты сказала, что не можешь чего-то сделать.

Синдзё открыла рот.

— Н-нет!

Она глянула в сторону и обнаружила Саяму, невозмутимо уставившегося в небо. Он, должно быть, заметил ее взгляд, потому что подобрал Баку с левого плеча и поместил его на голову.

Взирая на небо, парень и зверек прищурились.

Он был полон решимости ее игнорировать.

Это не оставляло ей выбора. Приготовившись покраснеть от стыда, Синдзё доказала свою невиновность Фасольту.

— Я-я расскажу Вам, что Саяма-кун заявил мне, когда передавал пиджак! — Она засомневалась на мгновение. — «Я так взволнован, что мне реально нужно почувствовать твой зад. Если я не смогу больше сдерживаться, то подам тебе знак, подняв платок. Когда я это сделаю, подвинь свой зад в моем направлении!» Но я не могла этого сделать. Н-но то была просьба от Саямы-куна, п-потому когда он доставал свой платок, я каждый раз подскакивала немного в шоке!

Пока она краснела, давая это объяснение, челюсть Фасольта отвисла.

Пока его открытый рот продолжал безмолвствовать, полудракон медленно повернулся вперёд.

Он уставился на Саяму, у которого по-прежнему сидел на голове Баку.

В ответ на все взгляды, Саяма подобрал то, что лежало перед ним, и поднял вверх.

Это был цифровой диктофон, завернутый в платок. Его красный индикатор питания горел.

Саяма кивнул и взглянул на Синдзё. Затем к собственному удивлению он заговорил тихо.

— Прошу, продолжай дальше, Синдзё-кун. Что случилось после того, как ты подскочила в шоке?

— Почему он работает?! Разве батарейка не села?!

— Ты бы не мог помолчать, Фасольт? Это осложнит последующий монтаж.

— С-сложность не имеет значения! Объясни, что происходит! — потребовала Синдзё.

Саяма подобрал обломок от мобильного телефона.

Это была сильно согнувшаяся батарейка.

— Ты хочешь узнать, почему он работает? Если ты не в состоянии ответить на столь простой вопрос, я предвкушаю сложности, с которыми ты столкнешься, когда получишь бумагу, Фасольт. Ответ прост. Перед тем, как войти в Концептуальное Пространство, я поменял батарейку от телефона. Большинство современных портативных приборов используют стандартный тип батареек, независимо от того, сделали их в ИАИ или нет. Тебе следует это запомнить. — Он кивнул и спросил. — Фасольт, как раз перед нашим приходом ты находился вне этого места, разве нет? Ты использовал свое ограниченное время снаружи, чтобы вести за мной наблюдение. Разве не так?

— Как ты об этом узнал?

— В лесу было слишком тихо. Когда человек скрывается в лесу, птицы и звери настораживаются, но вокруг стояла вообще загробная тишина. Другими словами, там находилось нечто даже большее, чем человек. К тому же, ты прибыл с полей, но к твоим джика-таби прилип мох. Это доказывает, что ты бежал через лес. Когда ты заметил, что я на них смотрю, ты яростно начал его стряхивать, — Саяма показал Фасольту цифровой диктофон. — Когда я заметил, что батарейка диктофона села, я осознал, что кто-то пытается что-то проверить. Едва я узнал, что мой оппонент пытается устранить мое использование этого устройства, мне просто оставалось этим воспользоваться. Когда я получил их от Синдзё-кун, я поменял батарейки и решил использовать мобильный телефон в качестве приманки.

— Выходит, Саяма-кун, все эти переговоры...

— Были записаны, да. Но недостает небольшого куска, который я сказал, когда вытаскивал его и поместил с собой рядом. Мне пришлось его выключить, дабы создать впечатление, что он не работает.

Фасольт сглотнул, вспомнив, что Саяма тогда говорил.

— Ты сказал, что батарейка диктофона села, и ты планировал записать любые обещания, которые я сделаю, мобильным телефоном... И это все для того, чтобы я расслабился и поставил более высокие требования?!

— Ну, ну. Прошу, прекрати обсуждать комментарии, на которые у тебя нет доказательств того, что они вообще произносились, — сказал Саяма. — Или мне следует проиграть то, что я записал? У меня есть то, как в ответ на мои упреки ты назвал нас аборигенами.

— Нет, гораздо важнее... чего ты хочешь?

Саяма покачал головой в ответ.

— Я ничего не хочу. Но позволь нам сделать то, что само собой разумеется. Если ты позволишь нам использовать Концептуальное Ядро, я дам согласие на предоставление вам технологии. И ты можешь провести исследование разрушения 1-го Гиры, если это будет сделано в

сотрудничестве с UCAT. Для взаимопонимания и примирения мы должны получить записи, если они у вас есть. И когда это будет завершено, мы начнем думать о том, что делать дальше. ...Я не прав?

Вместо ответа, Фасольт поднял обе руки.

Саяма вздохнул.

Выходит, это всё, — подумал он.

Он опустил Баку с головы, и пробормотал:

— Ну что за фарс.

Раздраженный комментарий Саямы заставил Синдзё склонить голову. Она увидела, как он хмурится.

— Фарс? Почему? Ты выглядишь недовольным.

Саяма кивнул, глянул в ее сторону, и затем повернулся к Ооширо.

— Старик, прошу, не заставляй меня делать это снова.

Ооширо поднял глаза и горько улыбнулся. Синдзё не могла уловить смысл этого обмена.

— Ч-что ты хочешь сказать? Что сделал Ооширо-сан?

— Я осознал посреди разговора. Старик все подстроил. Подумай. Почему Фасольт мог достать мои вещи? И кто попросил тебя их мне вернуть? Как Фасольт смог поджидать снаружи Концептуального Пространства, во время своего ограниченного времени там? И кто остановил нас перед входом, спросив, не несу ли я что-либо? — Он перевел дыхание. — Проще говоря, эти предварительные переговоры — испытание. Я осознал это, едва заметил проблему с бумажной технологией. 1-й Гир покорный настолько, что согласился на ограничения Лоу-Гира. В таком случае для Фасольта было бы странно занимать агрессивную позицию. Мне стыдно, что я не осознал почему, и так разошелся из-за розыгрыша.

Саяма сложил руки на груди и закрыл глаза. Синдзё не знала, как на это ответить.

Фасольт загоготал во всю глотку.

— Не расстраивайся, Саяма Микото. Ты наверняка мне не поверишь, но я был серьёзен.

— Серьёзен, хм?

Саяма вздохнул с закрытыми глазами.

Его плечи поникли, и, похоже, его поглотили свои мысли по этому поводу.

...Он наверняка думает, что Фасольт сдерживался?

— Ооширо-сан. Сегодняшние переговоры были эффективными?

— Да. Убрать ограничение на производство бумаги действительно полезная идея. Мне кажется, это было эффективно.

— Отнеситесь к этому серьёзней. Саяма-кун дискутировал не для забавы.

Услышав это, Саяма открыл глаза. Синдзё взглянула ему в глаза и подумала.

...Он может выкрутиться в любой ситуации.

— Ты словно злобный король софистики.

— Благодарю за такое прямолинейное мнение, — с горькой улыбкой произнес Саяма.

Но Синдзё снова на него взглянула. Столкнувшись с оппонентом, выдающим абсурдные аргументы, этот парень отказался вести переговоры должным образом и ответил собственным абсурдным аргументом.

...Фамилия "Саяма" предписывает роль злодея. Это так?

Она вспомнила, как Саяма говорил, что наделен способностями, необходимыми для свершения зла.

Он это подразумевал? — Подумала Синдзё.

Ей было интересно, что бы сделала она, оказавшись на его месте.

...Если бы я отпарировала должным аргументом, я бы наверняка столкнулась с очередным

абсурдным аргументом.

Но правда никогда не будет выяснена. И факт оставался в том, что абсурдный аргумент Саямы заставил Фасольта отступить.

Единственная информация, что у нее оставалась, это выражение лица Саямы и его поникшие плечи.

...Он не стал действовать всерьёз. Наверное, потому, что осознал на полпути намерения Ооширо-сана.

Она кивнула и решила, что охотно сыграет роль слушателя, если он захочет на что-то пожаловаться.

Подобное непременно окажется полезным после того, чем всё сегодня завершилось.

И едва только Синдзё определилась, Фасольт повернулся к Саяме и заговорил.

— Всё действительно пошло не так, как планировалось. Возможно, мне следовало ожидать подобного от внука Саямы.

Синдзё увидела, как Саяма схватился за левую сторону груди. Он скривился и глянул на Фасольта.

— Ты знал моего деда?

— Знал, пускай и недолго. Когда мы впервые прибыли в этот мир, он был членом USAT, который готовил эту местность стать будущей резервацией. Зигфрид передал ему священный меч Грам, откуда он извлек концепты, необходимые для создания этого места. Я, правда, не видел его с тех самых первоначальных переговоров.

— Вот как. Тогда, я полагаю, ты ничего не должен знать о моем отце. Он работал на ИАИ.

— Мы не покидали это место, потому ничего об этом не знаем. Однако твоего деда я помню довольно хорошо, — сказал Фасольт. — Шестьдесят лет назад мы обменивались аргументами весьма похожими на эти предварительные переговоры. Он тоже яростно на меня кричал, когда я потребовал репараций, равных количеству умерших. Он сказал мне не подсчитывать количество и ценность мертвых, и вместо этого мирно жить здесь и составлять план по восстановлению нашей утраченной гордости, пускай и остается противоположная фракция. Правда, мы до сих пор этого не сделали.

Синдзё неожиданно повернулась к Ооширо, который сел рядом с Фасольтом. Старик покосился

Фасольту за спину.

На спине, за которую она когда-то цеплялась, находились шрамы отрезанных крыльев.

О, — осознала Синдзё в своем сердце. — Так вот в чем дело.

Последовала небольшая тишина. Что бы Фасольт не думал во время этого затишья, он медленно повернулся к Ооширо, глядевшему на него. Осматривая старика, он заговорил критическим тоном.

— Это скорее ваша проблема, чем моя, но UCAT полна множества загадок.

— Это организация, скрывавшая себя от мира, дабы спасти этот мир. Естественно, она хранит множество тайн.

— Выходит, даже представитель 1-го Гира не знает деталей, — заметил Саяма.

Фасольт кивнул и сказал:

— Мы не знаем ничего о деятельности UCAT. Единственное, что всем известно, это крупномасштабное изменение в 1995-м. Японский UCAT был временно распущен и реорганизован.

Синдзё и Саяма выдали в унисон:

— Временно распущен и реорганизован?

Саяма увидел взгляд Фасольта, обращенный на них с Синдзё.

— Значит, вы не в курсе. Это произошло неожиданно в конце 95-го, практически в то же время, когда Синдзё взяли в UCAT. Весь персонал, за исключением лидеров, оставил организацию.

— Почему?

— Я не знаю, Саяма Микото. Я был бы рад, если бы кто-нибудь мне об этом рассказал. Полагаю, только Ооширо тут и несколько других знают, что действительно за этим стоит. Одна из теорий — они взяли на себя ответственность за множество смертей во время операций по оказанию помощи после Великого Кансайского Землетрясения.

— Ясно, — сказал Саяма, кивнув.

Он не падал духом.

Путь Левиафана шёл вместе с несколькими условиями, добавленными его дедом. Одним из них было то, что им следовало собирать всю необходимую информацию самостоятельно.

Здесь ему необходимо узнать лишь о 1-м Гире. И...

...Это лишь означает, что, в дополнение к десяти Гирам, мне придется исследовать сущность UCAT.

Саяма кивнул, и Фасольт кивнул в ответ. Затем полудракон повернулся к Синдзё и открыл рот для беседы:

— Я долго колебался по поводу того, стоит ли мне рассказывать тебе об этом или нет, но я все же скажу, раз ты вернулась после стольких лет.

— Э? Мне? — спросила девушка.

— Да. Это будет давняя история для вас двоих. Это Концептуальное Пространство было сконструировано Саямой Каору, но он говорил, что сумел это сделать лишь на основе неких данных, которые ему передали.

— Передал другой сотрудник UCAT?

— Нет, он сказал, это от еще одного члена бывшего Департамента Национальной Обороны. Занимаясь исследованиями для Департамента Национальной Обороны, этот человек сумел вычислить, какие концепты используются различными Гирами. Саяма Каору говорил, что всего лишь следовал данным с того времени.

Фасольт взглянул на небо. Его взор медленно двигался по кругу, словно он мог увидеть невидимую стену, формирующую Концептуальное Пространство.

— Этот человек изначально связался с Департаментом Национальной Обороны, работая ассистентом Профессора Кинугасы, но они никогда не присоединялись к UCAT. Я не знаю, что случилось с этим человеком.

— Как звали того человека? — спросил Саяма.

Фасольт произнес только фамилию.

— Синдзё. Вот всё, что мне сообщили.

<http://tl.rulate.ru/book/95927/3274210>